

На правах рукописи

Велиев Фахри Закир оглы

Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
Кочои Самвел Мамадович

Официальные оппоненты: **Голик Юрий Владимирович**
доктор юридических наук, профессор
НОУ ВПО «Европейский институт JUSTO»,
заведующий кафедрой правовых средств борьбы
с преступностью

Петрянин Алексей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»,
профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права

Ведущая организация **ГБОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»**

Защита состоится «25» июня 2015 года в 13:00 на заседании диссертационного совета Д.212.123.01, созданного на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Ссылка на сайт Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), на котором соискателем ученой степени размещен полный текст диссертации, а также отзыв научного руководителя соискателя ученой степени и автореферат диссертации:
<http://msal.ru/general/academy/councils/collab/>

Автореферат разослан: «___» _____ 2015 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

_____/**Орлов Владислав Николаевич**/

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Преступления по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (далее, если иное не оговорено, – преступления по мотиву ненависти или вражды) нарушают как нормы международного права, так и Конституции РФ о равноправии и запрете дискриминации. Так, согласно Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, «без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2). Подобные нормы содержат также Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и ряд других основополагающих международных нормативных правовых актов: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 г.) и т. д.

Согласно Конституции РФ (ст. 19 ч. 2), государство «гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Конституция РФ (ст. 26 ч. 1) гарантирует также, что каждый «вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Наконец, Конституцией РФ (ст. 28) гарантируется «свобода совести, свобода вероисповедания, включая право

исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Вместе с тем Конституция РФ (ст. 29 ч. 2) не только провозглашает или гарантирует равноправие, она также запрещает пропаганду или агитацию, «возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду».

Исходя из этого Уголовный кодекс РФ (далее, если иное не оговорено, – УК РФ) придает мотиву ненависти или вражды соответствующее значение, а именно признает его обстоятельством, как обуславливающим наступление уголовной ответственности или повышающим степень ее опасности, так и усиливающим наказание в случае его установления при совершении конкретного преступления.

Безусловно, уголовно - правовые средства никогда не были и не станут главными в пресечении или предупреждении преступлений, мотивированных ненавистью или враждой. Но они остаются незаменимыми для защиты подвергающихся посягательствам групп населения, для привлечения к ответственности и наказания тех, кто совершает эти посягательства. Отказ от их применения в необходимых случаях будет восприниматься как слабость государства, как поощрение для новых посягательств со стороны преступников.

Статистика преступлений по мотивам ненависти и вражды вызывает справедливые опасения. Например, в январе - октябре 2014 г. на территории РФ официально зарегистрировано 874 преступления экстремистской направленности, то есть рост преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды, по сравнению с аналогичным периодом за 2013 г., составил 11,1%. Почти всеми исследователями отмечается перманентный рост количества, в частности, наиболее опасных преступлений по мотиву ненависти или вражды – против жизни и здоровья. Ежегодно сотни, а может быть, тысячи ни в чем не повинных людей становятся жертвами посягательств религиозных фанатиков,

неонацистов или расистов. Так, по информации только МВД РФ, с 2003 по 2013 гг. от «расистского и неонацистского мотивированного насилия» было убито 201 человек, ранено 1150. Подобное положение способно серьезнейшим образом дестабилизировать ситуацию, поставить под удар мир и порядок не только в отдельных регионах, но и в целом в стране. Как заявил Президент РФ В. В. Путин, «никому не надо доказывать, насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология, идеология нетерпимости, разжигания ненависти, вражды». Именно по этой причине «провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды», согласно Указу Президента РФ «О военной доктрине РФ» (2014 г.), отнесены к главным внутренним угрозам России.

Действительно, как показывают события последних десятилетий, межнациональные, межрасовые и межконфессиональные конфликты и войны в состоянии развалить любое государство, даже те, в которых понятия «дружба народов» и «интернационализм» десятилетиями провозглашались принципами деятельности всех государственных и общественных институтов. Несмотря на это, к сожалению, и сегодня можно встретить немало практических решений и доктринальных подходов, которые свидетельствуют о недооценке опасности в России преступлений, имеющих своей основой нацизм, расизм или ксенофобию, или об их односторонней оценке.

Опасение вызывает рост мотивированных ненавистью или враждой посягательств со стороны россиян не только внутри страны, но и за ее пределами. Так, свыше 1000 исламистских фанатиков из России участвуют в «джихаде против неверных» в Ираке и Сирии, совершая различные преступления, включая теракты, преступления против человечности и геноцид в отношении представителей религиозных меньшинств – езидов и христиан; имеются случаи осуждения за границей граждан РФ за преступления, мотивированные расистской

ненавистью, и др. Несложно догадаться, что подобные факты серьезнейшим образом подрывают международный авторитет нашего государства.

Мотивы ненависти и вражды в отечественной науке ранее становились предметом исследований. Однако непрерывные изменения и дополнения в уголовное законодательство, трудности и недостатки в практике его применения, активные дискуссии по проблемам ответственности и наказания за преступления, совершаемые по указанным мотивам, и, наконец, неблагоприятная статистика этих преступлений вызывают необходимость проведения новых исследований.

Актуальность исследований мотива ненависти или вражды и его уголовно-правового значения возрастает с учетом многокофессиональной и многоэтнической природы Российского государства. Эти исследования важны в конечном счете для поиска и создания оптимальной правовой модели борьбы с преступлениями против равенства его граждан.

Степень разработанности темы исследования. Мотивы ненависти и вражды в науке уголовного права исследовались многими авторами. Вклад в их исследование внесли такие авторы, как К. П. Бабиченко, С. В. Борисов, А. В. Жеребченко, С. М. Кочои, Е. В. Кунц, А. Ф. Минекаева, А. П. Музюкин, А. Г. Мустафазаде, А. В. Петрянин, Е. М. Плютина, Н. Г. Рахматулина, В. В. Ревина, А. В. Ростокинский, Д. Н. Саркисов, Е. П. Сергун, А. И. Стрельников, А. Г. Хлебушкин, Л. Г. Шнайдер, П. С. Яни и др. Однако только в одной диссертации (А. Ф. Минекаевой) мотив ненависти или вражды является самостоятельным объектом исследования, причем речь в ней идет не обо всех мотивах, а только о мотиве религиозной ненависти или вражды. Во всех остальных диссертациях мотив ненависти или вражды исследовался в рамках либо общих работ, посвященных мотивам преступлений, либо специальных работ, посвященных преступлениям, среди признаков которых имеется мотив ненависти или вражды (экстремистских и террористических преступлений).

Объектом исследования является мотив ненависти или вражды как уголовно-правовая категория (признак при квалификации преступления и

обстоятельство при назначении наказания).

Предметом исследования являются:

- нормы международного законодательства;
- нормы уголовного законодательства отдельных зарубежных государств;
- нормы уголовного законодательства РФ (РСФСР, СССР, Российской империи) и Модельного УК для государств – членов СНГ;
- постановления Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР, СССР);
- судебно-следственная практика;
- материалы судебной и иной статистики;
- труды российских и советских ученых.

Целью исследования является анализ мотива ненависти или вражды и его уголовно-правового значения.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих **задач**:

- изучить историю отечественного уголовного законодательства о мотиве ненависти или вражды;
- проанализировать место и значение мотива ненависти или вражды в действующем УК РФ;
- предложить общую характеристику уголовного законодательства отдельных государств о мотиве ненависти или вражды;
- рассмотреть понятие мотива ненависти или вражды в науке уголовного права;
- показать имеющиеся в судебно-следственной практике проблемы применения норм УК РФ о мотиве ненависти или вражды;
- разработать предложения по совершенствованию норм действующего УК РФ о мотиве ненависти или вражды, а также практики их применения.

Методологической и методической основой исследования является диалектический метод познания и системный подход к исследованию мотива

ненависти или вражды как признака состава преступления или обстоятельства, подлежащего учету при назначении наказания.

При этом диалектический метод познания сочетается с использованием формально-логического (догматического), сравнительно-правового, сравнительно-исторического, статистического и социологического методов.

Нормативной базой исследования выступают нормы международных документов, уголовного законодательства РФ (Российской империи, СССР, РСФСР), профильного российского законодательства о противодействии экстремизму и терроризму, нормы иных нормативных правовых актов.

Теоретической основой исследования служат труды российских, советских и зарубежных ученых и специалистов, посвященные мотивам в уголовном праве в целом: Б. С. Волкова, Д. П. Котова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова, А. И. Рарога, С. В. Складова, Б. В. Харацишвили и др.

Эмпирической базой исследования являются постановления, приговоры, определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов субъектов РФ, иных судов.

В процессе работы над диссертацией по специально разработанной анкете проведено исследование материалов как местной, так и опубликованной судебной следственной практики, всего 270 уголовных дел.

Научная новизна исследования заключается в том, что хотя мотив ненависти или вражды в науке уголовного права уже становился объектом исследований, однако в настоящей работе названный мотив является самостоятельным объектом изучения.

Работа содержит анализ существующих точек зрения о понятии мотива ненависти или вражды.

В ней особое внимание уделено проблемам квалификации преступлений, совершаемых по указанному мотиву в судебной следственной практике, и назначении наказания за них в судебной практике.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать научно и практически обоснованные предложения по совершенствованию норм действующего уголовного законодательства РФ о мотиве ненависти или вражды.

На защиту выносятся следующие научные положения, выводы и рекомендации:

1. Изученная практика применения ст. 63 УК РФ подтверждает, что мотив ненависти или вражды как обстоятельство, отягчающее наказание, судами фактически не учитывается. В этой связи предлагается исключить пункт «е» из части 1 ст. 63 УК РФ. Нецелесообразность признания за данным мотивом значения общего отягчающего наказание обстоятельства (при совершении любого преступления) подтверждается также анализом уголовного законодательства большинства зарубежных государств, в котором нет подобной нормы.

2. Преступления («экстремистской направленности»), вопреки примечанию 2 к ст. 282¹ УК, не могут быть «предусмотрены» пунктом «е» части 1 ст. 63 УК РФ, в связи с чем из этого определения следует исключить слова «и пунктом “е” части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

3. Единственный случай использования в УК РФ мотива ненависти или вражды в качестве признака основного состава преступления (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) следует признать неудачным. Предлагается перенести этот признак в ч. 2 ст. 213 УК, то есть сделать мотив ненависти или вражды квалифицирующим признаком хулиганства (как это в настоящее время имеет место в составе вандализма, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ). Данное предложение учитывает то обстоятельство, что в судебно-следственной практике квалификация хулиганства по мотиву ненависти или вражды не является исключением.

4. Социальной группой может быть признана группа людей, идентифицируемая также по политическому, идеологическому, расовому, национальному или религиозному признаку. В связи с этим следует признать искусственным противопоставление в УК РФ мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды

мотиву ненависти или вражды в отношении «какой-либо социальной группы».

Кроме того, социальной может быть признана любая иная группа людей, в том числе, как показывает изученная нами судебно-следственная практика, группа, занимающаяся противоправной или антисоциальной деятельностью. С целью исключения подобной практики предлагается отказаться в УК РФ от признака «мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

5. Предлагается исключить из числа мотивов ненависти и вражды мотивы политической и идеологической ненависти или вражды. Преступления по таким мотивам регистрируются крайне редко (не более 2-3% от всех преступлений, совершаемых по мотиву ненависти или вражды), однако даже в этих случаях практика выглядит достаточно противоречивой, к тому же испытывающей большие трудности с их разграничением.

6. События последних лет – активизация радикальных религиозных групп, укрепление фундаменталистических движений, рост количества преступлений, совершаемых от имени той или иной религии (конфессии), подтверждают растущую опасность религиозного фанатизма, который, как свидетельствует зарубежный законодательный опыт, не идентичен религиозной ненависти (вражде). В этой связи вносится предложение о дополнении перечня квалифицирующих признаков соответствующих преступлений мотивом «религиозного фанатизма».

7. В Особенной части УК РФ нужно не только сохранять, но и расширять количество норм, предусматривающих в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака совершение преступления по мотиву ненависти или вражды. В связи с этим предлагается дополнить перечень квалифицирующих признаков террористического акта (ч. 2 ст. 205 УК РФ) таким признаком, как совершение преступления «по мотиву расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно религиозного фанатизма». Данное предложение учитывает то обстоятельство, что многие теракты в мире, в России в том числе,

фактически совершаются по мотиву ненависти, вражды или религиозного фанатизма к представителям иной веры (чаще всего), а также национальности или расы.

8. В статьях Особенной части УК РФ влияние мотива ненависти или вражды на степень общественной опасности преступлений против личности происходит весьма непоследовательно. Так, в ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство, совершенное по мотивам ненависти или вражды (п. «л»), имеет ту же степень опасности (и наказывается так же), что и убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж»), либо в отношении двух или более лиц (п. «а»). Однако при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью при вышеназванных обстоятельствах (п. «е» ч. 2 и п.п. «а» и «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ) преступления без достаточных оснований отличаются по степени опасности и размерам наказания за их совершение. В связи с этим, полагаем, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотиву ненависти или вражды либо религиозного фанатизма целесообразно признать особо квалифицирующим признаком и предусмотреть ответственность за его совершение в части 3 ст. 111 УК (путем дополнения указанной части пунктом «г»).

9. Федеральным законом от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ изменена редакция ч. 1 ст. 148 УК РФ, которая предусматривает теперь ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные «в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Считаем, что закон должен охранять от оскорбления также национальные чувства граждан, в связи с чем предлагаем дополнить УК РФ статьей следующего содержания:

«Оскорбление национальных чувств

Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления национальных чувств потерпевшего, – наказываются

Те же действия, совершенные с использованием служебного положения либо

средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», – наказываются ...».

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что она представляет собой монографическую работу, посвященную уголовно-правовому значению мотива ненависти или вражды с учетом последних изменений и дополнений УК РФ, практики их применения, а также новых доктринальных разработок по этой проблеме.

Выводы и предложения, содержащиеся в работе, могут быть использованы для совершенствования правовых основ борьбы с преступлениями, совершаемыми по мотиву ненависти или вражды.

Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в систему научных знаний о мотиве ненависти или вражды. Полученные результаты могут быть положены в основу дальнейших научных исследований вопросов об этом мотиве.

Теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть применены при составлении рабочих программ, учебных пособий и учебников, в процессе проведения учебных занятий по курсу «Уголовное право».

Практическая значимость диссертации определяется изложенными в ней выводами, способствующими эффективному применению уголовного законодательства о мотиве ненависти или вражды.

Достоверность и апробация результатов исследования. Работа выполнена на кафедре уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), где проводилось ее обсуждение и рецензирование.

Основные положения работы, выводы и предложения отражены в трех научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской

Федерации, а также представлены на VI Международной научно-практической конференции Кутафинские чтения «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» (МГЮА имени О. Е. Кутафина, 3-4 апреля 2014 г.).

Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР по проекту 2280.

Структура диссертационной работы обусловлена объектом, предметом, целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования и раскрывается степень ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, излагаются его методологическая, методическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации и приводятся данные об апробации ее результатов.

Глава 1 «Мотивы преступления» состоит из двух параграфов. Первый параграф «*Мотивы преступления в истории уголовного законодательства России*» посвящен общим вопросам понятия мотива преступления и его месту в российском уголовном законодательстве.

Мотивам поступков (преступлений) придавалось юридическое значение в законодательстве России разных периодов. Уже в «Русской правде» мотив (корыстный) считается отягчающим обстоятельством, а в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1846 г.) и Уголовном уложении (1903 г.) мотив учитывается для классификации преступлений как обстоятельство, уменьшающее

или увеличивающее вину и наказание, а также как квалифицирующий или конструктивный признак отдельных преступлений. В досоветской уголовно-правовой доктрине мотив включали в содержание умысла. В ней мотив и один из элементов умысла – желание (хотение) – рассматривались как равнозначные понятия. Нередко мотив и цель (в частности «корыстные побуждения» и «корыстная цель») смешивались. Но в целом признавалось, что в уголовном законодательстве Российской империи мотиву неоправданно придавалось меньшее юридическое значение, чем в законодательстве зарубежных государств. Тогда же в одной из первых в российской уголовно-правовой науке специальных работ, посвященных мотивам преступления, сделан вывод о необходимости использования в уголовном праве понятия «мотив», не изменяя при этом его психологического содержания.

Советский законодатель в первом же своем важнейшем уголовно-правовом нормативном акте (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.) отнес мотив преступления к тем признакам, с помощью которых оценивается личность преступника (степень и характер ее опасности), подлежащая выяснению для определения «меры воздействия» на нее.

В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1922 г. мотивы учитывались для определения «меры наказания». Они же играли роль единственного признака основных составов ряда преступлений и отягчающего отдельные преступления обстоятельства. В доктрине обращали внимание на то, что хотя в некоторых статьях УК законодатель не всегда пользуется термином «мотив», а иногда применяет другие термины, как-то: «соображения», «виды», «побуждение» и др., «но за ними скрываются» мотивы преступления.

Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. мотивам придавал значение смягчающего или отягчающего обстоятельства «при определении той или иной меры социальной защиты», обязательного признака единственного состава ряда преступлений и отягчающего некоторые другие преступления обстоятельства. Считалось, что среди мотивов наибольшую опасность представляют

«контрреволюционные мотивы». Содержание тех или иных мотивов в отдельных случаях высшие судебные инстанции раскрывали сами. Однако и в этих разъяснениях, и в доктрине случаи смешения мотивов и целей не были исключением. В советской уголовно-правовой литературе мотиву отводились разные роли. Одни считали его «элементом умысла», другие – «элементом субъективной стороны». При этом отдельные ученые допускали мотив только в умышленных преступлениях.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. мотивы влияли на назначение наказания, играли роль отягчающих отдельные преступления обстоятельств и были квалифицирующими признаками других преступлений. В доктрине того периода не прекращались споры о том, имеют ли место мотивы в преступлениях, совершенных с косвенным умыслом. Одни авторы отвечали на этот вопрос отрицательно, а другие – положительно. Споры вызывал также вопрос о мотивах в неосторожных преступлениях. Разделялись мнения и по вопросу о том, должна ли отечественная уголовно-правовая наука пользоваться определением мотива, которое предлагала психология, или же она должна разрабатывать свое, «специальное» определение мотива преступления.

В параграфе 2 *«Мотивы преступления в действующем уголовном законодательстве России»* сделан вывод о том, что УК РФ в 37 статьях говорит о:

- мотивах (сострадания, ненависти или вражды, кровной мести, мести за правомерные действия других лиц, беременности);
- побуждениях (корыстных, хулиганских, иных низменных);
- заинтересованности (корыстной, иной личной).
- Уголовно-правовое значение мотивов сводится к следующему:
 - они могут стать обязательным признаком основного состава преступления;
 - они могут быть обязательным признаком квалифицированного состава преступления;

– мотивы, не включенные в состав преступления, подлежат учету в качестве обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание.

Уголовно-правовое понятие мотива преступления должно следовать из предлагаемого психологией более широкого понятия мотива поведения (деятельности), частью которого оно (преступление) является.

В отечественной науке уголовного права имеются различные определения понятия «мотив преступления». Все они, как правило, рассматривают мотив как побуждение, то есть как признак внутреннего, психического элемента (субъективной стороны) состава преступления. Мы согласны с теми авторами, кто мотив преступления определяет через побуждение (обусловленное определенными потребностями и интересами). Наряду с этим, следует признать, что в психологии между этими понятиями знака равенства не ставят, поэтому использование понятия «побуждение» синонимом понятия «мотив» следует все же признать условным. Однако необходимо подчеркнуть, что применительно к целям и задачам уголовного права такое использование, с учетом специфической роли мотива в преступлении, является оправданным.

В уголовно-правовой литературе большинство специалистов соглашается с тем, что мотив преступления и есть побуждение. Между тем в отдельных нормах УК РФ законодатель использует одновременно как понятие «побуждение», так и понятие «мотив». Кроме того, в УК имеется выражение «заинтересованность», что также в литературе рассматривается как мотив преступления. Полагаем, что во всех таких случаях имеет место неоправданное разночтение. Терминология в УК РФ должна быть унифицирована. Поэтому следует согласиться с предложениями о целесообразности замены во всех нормах УК РФ терминов «побуждение» и «заинтересованность» на термин «мотив».

Главу вторую «Ненависть или вражда как мотив преступления» открывает параграф *«Мотив ненависти или вражды в уголовном праве России»*, в котором диссертант приходит к выводу о том, что первоначально к отягчающим наказание обстоятельствам УК РФ (п. «е» ч. 1 ст. 63) относил «совершение

преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». В 2007 г. перечень мотивов был расширен, и пункт «е» ч. 1 ст. 63 УК получил следующую редакцию: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Таким же образом менялась редакция соответствующего признака преступлений в 10 статьях Особенной части УК. Причем в одной из статей – 213 – мотив ненависти или вражды является конструктивным признаком предусмотренного ею состава преступления.

В УК РФ мотив ненависти или вражды имеет следующее уголовно-правовое значение:

а) *признается* обстоятельством, отягчающим наказание (п. «е» ч.1 ст. 63 УК);

б) *является* конструктивным признаком состава преступления (п. «б» ч.1 ст. 213 УК);

в) *является* квалифицирующим признаком составов преступлений (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК; п «е» ч. 2 ст. 111 УК; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК; ч. 2 ст. 115 УК; ч. 2 ст. 116 УК; ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119 УК; п. «б» ч. 1 ст. 213 УК; ч. 2 ст. 214 УК; ч. 2 ст. 244 УК);

г) *может быть* признаком любого преступления, определяемого вследствие чего как преступление экстремистской направленности (примечание 2 к ст. 282¹ УК).

В УК РФ понятия «ненависть» и «вражда» использованы не только как мотивы преступления. О них говорится также как о результате, к наступлению которого стремится виновный. Речь идет о статье 282 УК, предусматривающей ответственность за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды». Однако, как мы считаем, ненависть и вражда не могут быть и мотивом

преступления, и результатом преступления точно так же, как не могут быть и тем, и другим одновременно, например, корыстные побуждения. Полагаем, что в нормах УК одни и те же понятия должны иметь одинаковое содержание. В этом отношении действующую редакцию части 1 ст. 282 УК РФ вряд ли можно считать удачной.

Как нам представляется, использование понятия «экстремистский мотив» не совсем правильно. Во-первых, как не может быть, например, «террористического мотива», так и не может быть «экстремистского мотива». Во-вторых, из названия «экстремистский мотив» не следует суть анализируемого субъективного признака - ненависть или вражда. Спорным мы считаем использование также понятия «идеологические, политические, расовые, национальные или религиозные мотивы», поскольку не всегда эти мотивы могут означать ненависть или вражду.

Имеющиеся в доктрине определения мотива религиозной ненависти или вражды имеют один серьезный недостаток. Они не учитывают события последних лет, быстрые изменения, происходящие в сфере общественных отношений, их политизацию и укрепление фундаменталистических движений, прежде всего рост влияния и значения не столько религий в целом, сколько различных течений и направлений (конфессий) в пределах отдельных религиозных учений (религий). Сегодня во многих криминальных случаях фактически речь идет уже о проявлении не просто религиозной ненависти или вражды, а иного, качественного и более опасного социального явления – религиозного фанатизма. Полагаем, что российский законодатель, по примеру ряда других законодателей, должен использовать рекомендацию Модельного УК для государств – членов СНГ и включить в УК РФ в число квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков соответствующих преступлений мотив религиозного фанатизма.

С нашей точки зрения, иных социальных групп, кроме как существующих по расовым, национальным, религиозным или иным признакам, не должно быть в анализируемых нормах российского уголовного закона. Ссылка на «какую-либо

социальную группу» делает соответствующие нормы УК РФ не только безразмерными, но и позволяет относить к охраняемой законом группе как жертв (например представителей национальных или расовых меньшинств), так и их потенциальных или действительных палачей (скинхедов, фашистов и др.). Предлагается во всех соответствующих статьях Особенной части УК РФ слова «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» заменить на слова «по мотиву расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо религиозного фанатизма».

В условиях, когда суды при назначении наказания фактически не применяют п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, расширение перечня преступлений, квалифицирующими признаками которых является мотив ненависти или вражды, представляется обоснованным. По нашему мнению, такой мотив, а также мотив религиозного фанатизма, должен быть предусмотрен при совершении преступлений, заключающихся в умышленном причинении смерти, вреда здоровью или уничтожении или повреждении чужого имущества. Особенно важным представляется дополнение данным признаком квалифицированного состава террористического акта (ч. 2 ст. 205 УК РФ). Указанное преступление, и это подтверждается террористической активностью последних лет, все чаще (как в России, так и за ее пределами) совершается именно по мотиву расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды или по мотиву религиозного фанатизма.

Из определения преступлений экстремистской направленности (примечание 2 к ст. 282¹ УК) следует исключить слова «и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса» (соответствующие изменения необходимо вносить также в Федеральный закон «О противодействии экстремизму»). Преступления («экстремистской направленности»), вопреки примечанию 2 к ст. 282¹ УК, не могут быть «предусмотрены» пунктом «е» части 1 ст. 63 УК РФ.

Единого определения мотивов ненависти и вражды в уголовном праве не может быть, поскольку не может быть единого содержания таких признаков, как, например, идеологическая и национальная ненависть или политическая и расовая вражда. С учетом сказанного, мы предлагаем следующие их определения.

Мотив расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо религиозного фанатизма означает побуждения, выражающие неприязнь к лицу в связи с его действительной или предполагаемой расовой, национальной или религиозной (конфессиональной) принадлежностью, либо в связи с его нежеланием принять религию (конфессию), которую исповедует виновный, либо в связи с его обвинением в вероотступничестве.

Мотив политической или идеологической ненависти или вражды означает побуждения, выражающие неприязнь по политическим или идеологическим основаниям.

Мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы означает побуждения, выражающие неприязнь к лицу иной, чем виновный, социальной группы.

Второй параграф главы второй называется *«Мотив ненависти или вражды в уголовном законодательстве зарубежных государств»*.

Практически во всех современных государствах предусмотрена повышенная ответственность за совершение преступления, в первую очередь против личности и собственности, по мотиву ненависти. К последней, как правило, относится национальная, этническая, расовая и религиозная ненависть (реже – политическая или иная ненависть). Что касается признания мотива ненависти в качестве общего отягчающего обстоятельства (при назначении наказания), то оно имеет место в законодательстве лишь государств – членов СНГ, а также небольшой группы зарубежных государств (Австрии, Испании, Швеции и др.).

Законодательство государств Дальнего Зарубежья (главным образом Северной Америки, Западной Европы, Австралии и Новой Зеландии),

предусматривающее ответственность за «преступления ненависти», запрещает разжигание ненависти из-за цвета кожи, расы, национальности (включая гражданство), этнического или национального происхождения, религии или сексуальной ориентации, или по другим признакам. При этом следует особо отметить, что перечень поставленных под защиту групп населения является исчерпывающим. Для квалификации «преступлений ненависти» необходимо наличие соответствующего умысла («намерения») виновного. Наказуемы также отдельные преступления, совершаемые по указанным признакам, включая угрозы, оскорбление, домогательство, убийство, изнасилование, повреждение или уничтожение чужого имущества, диффамацию и др.

Законодательство государств Ближнего Зарубежья, главным образом государств – участников СНГ и Грузии, предусматривает в качестве отягчающего наказание (ответственность, вину) обстоятельства и (или) квалифицирующего признака отдельных преступлений совершение преступления по мотиву национальной (этнической), расовой или религиозной ненависти (вражды, розни и т. п.). В уголовном законодательстве государств Балтии такого квалифицирующего (отдельные преступления) признака нет.

Ряд государств – участников СНГ, кроме РФ, выполнили рекомендацию Модельного УК (1996 г.), и предусмотрели в своем национальном законодательстве такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления «по мотиву религиозного фанатизма». Оно же предусмотрено в отдельных нормах Особенной части в качестве квалифицирующего признака ряда преступлений, например умышленного уничтожения или повреждения имущества.

В законодательстве отдельных государств действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной розни, отнесены к преступлениям против мира и безопасности человечества, что, с нашей точки зрения, представляется обоснованным шагом (в первую очередь это актуально для

государств с мультиэтническим или мультиконфессиональным составом населения).

Глава 3 «Квалификация преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды, и назначение наказания за преступления, совершенные по этому мотиву» открывается параграфом *«Квалификация преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды: общая характеристика»*.

Официальную статистику о количестве преступлений, мотивированных ненавистью или враждой, следует считать заниженной. Но даже при тех мизерных цифрах, которые фиксирует статистика, в литературе можно встретить утверждение о наличии, якобы, в деятельности правоприменительных органов «увлеченности» оценкой деяний как экстремистских, «неправомерного стремления» отчитаться успехами реагирования на экстремистскую деятельность». Полагаем, что подобные утверждения в состоянии оказать серьезное давление на правоприменительные органы и окончательно «выдавить» из официальной статистики хоть какое-нибудь упоминание о преступлениях, мотивированных ненавистью или враждой.

Ошибки, совершаемые при квалификации преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды, могут быть связаны с некомпетентными и неквалифицированными выводами экспертов. Имеется немало дел, где суды вместо квалификации действий виновных по направленности умысла осуществляют квалификацию по наступившим последствиям. Следует отметить также ошибки, связанные с неполной квалификацией преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды.

В соответствующих нормах УК РФ говорится о ненависти или вражде через союз «или». Это, по нашему мнению, означает, что суд в каждом конкретном случае должен устанавливать, какой именно из нижеперечисленных восьми мотивов имеет место:

- национальная ненависть;

- национальная вражда;
- расовая ненависть;
- расовая вражда;
- религиозная ненависть;
- религиозная вражда;
- ненависть в отношении какой-либо социальной группы;
- вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Однако не все суды выясняют данное, на наш взгляд, важное обстоятельство. Нередко в процессуальных документах указывают все мотивы или несколько мотивов одновременно.

Другая проблема заключается в том, что правоприменительные органы не только не пытаются устанавливать конкретный мотив ненависти или вражды (национальной, расовой, религиозной, идеологической, политической либо в отношении какой-либо социальной группы), но и не пытаются разграничивать ненависть и вражду, хотя в законе они соединены союзом «или».

В ходе изучения практики нами были выявлены серьезные сложности, связанные с тем, как в материалах уголовного дела обосновывается конкретный мотив ненависти или вражды. Примером искажения мотивов ненависти и вражды является приговор одного из судов с участием присяжных заседателей, в котором «мотив ненависти» был «установлен» в отношении не существующих в природе «народностей» («азиатской», «кавказской», «африканской», «арабской» и др.).

По нашим наблюдениям, лиц, виновных в совершении преступлений, мотивированных ненавистью или враждой, при выборе жертвы интересует в основном расовая принадлежность потерпевшего, определяемая преступниками через его внешность (для обозначения этой группы населения российские правоприменители и СМИ используют такие термины, как «лица неславянской внешности», «лица кавказской национальности» и т. д.).

Отдельно следует отметить вопросы квалификации преступлений по мотиву

религиозной ненависти или вражды. Суды его понимают узко, а именно как ненависть или вражду к одной из конфессий (направлений, течений) внутри той или иной религии.

Нередко жертвами преступников становятся лица той же национальности, расы или конфессии, что и они сами. Полагаем, что при допущении подобной ошибки действия виновных следует квалифицировать как оконченное преступление. Однако в случае отсутствия какой-либо ошибки относительно действительной принадлежности потерпевшего (когда виновный знает, что потерпевший принадлежит к одной и той же группе населения, что и он сам) квалификацию преступления, как совершенного по мотиву ненависти или вражды, следует признать сомнительной.

Действующая редакция соответствующих норм УК РФ не исключает отнесение любой общности людей к «какой-либо социальной группе». Пока в УК РФ сохраняется такая формулировка, как мы полагаем, Верховному Суду РФ нужно рекомендовать нижестоящим судам не относить к таким группам по меньшей мере нацистские, расистские и радикально-религиозные общности. Если практические работники будут признавать, например, «скинхедов» и другую «зигующую» молодежь охраняемой Уголовным кодексом «социальной группой» (как это уже имело место), то будут искажены задачи и принципы уголовного законодательства. В таком случае следующими, кто потребует признания своей общности как «социальной группы» и защиты правоохранительных органов, наверняка будут «воры в законе».

Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, содержащееся в Постановлении №11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», об отграничении преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды, от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений (п. 3), должно быть дополнено учетом следующих обстоятельств:

- убеждения виновного (например членство в радикальной организации);

- выбор жертвы по определенным признакам (например, национальным, расовым, конфессиональным);
- высказывания, которыми сопровождалось преступные действия, одежда и внешний вид виновных во время совершения преступления и т. д.;
- поведение виновного после совершения преступления (например принятие мер к сокрытию мотива ненависти или вражды) и др.

Только одновременный учет всех этих обстоятельств может помочь в правильной квалификации рассматриваемых преступлений.

Во втором параграфе третьей главы *«Проблемы квалификации отдельных преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды»* обосновывается вывод о том, что мотив, который называется ненавистью или враждой, не может сочетаться с преступлением, совершаемым с непрямым умыслом. Такой мотив может привести лишь к возникновению желания совершить предусмотренные законом действия или желания наступления последствий, предусмотренных законом.

В изученной судебной практике мы не нашли ни одного случая осуждения по ч. 4 ст. 150 УК – за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам ненависти или вражды. Робкие попытки органов обвинения доказать совершение такого преступления поддержки у судебных органов не находят. Полагаем, что судебная практика в данном вопросе противоречит действительности. С одной стороны, можно встретить огромное количество аналитических материалов, докладов, научных работ о том, что в стране действуют сотни радикальных молодежных формирований, что значительное количество преступлений, мотивированных ненавистью или враждой, совершаются подростками, которых, в свою очередь, вовлекают в эти преступления взрослые лица (отражением этой реальности стало, в том числе, дополнение в 2007 г. ч. 4 ст. 150 УК признаком «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении

какой-либо социальной группы»). С другой стороны, почти полное отсутствие приговоров о наказании за вовлечение несовершеннолетних в совершении преступлений, мотивированных ненавистью или враждой. Возможно, Пленуму Верховного Суда РФ стоит обобщить имеющуюся практику и предложить свои рекомендации по данному вопросу.

Единственный случай использования в УК РФ мотива ненависти или вражды в качестве признака основного состава преступления (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) следует признать неудачным. Предлагается перенести этот признак в ч. 2 ст. 213 УК, то есть сделать мотив ненависти или вражды квалифицирующим признаком хулиганства (как это в настоящее время имеет место в составе вандализма, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ).

Из легального определения хулиганства как грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу (ч. 1 ст. 213 УК), вовсе не следует, что данное преступление обязательно совершается с «хулиганским мотивом». Поэтому в практике не исключаются случаи совершения хулиганства по мотиву ненависти или вражды. Включение в число обязательных мотивов хулиганства мотива ненависти или вражды следует признать практически оправданным. Однако сложности в практике возникают в плане отграничения данного преступления от преступлений против личности, совершенных по такому же мотиву. Полагаем, что для снятия проблем, связанных с отграничением названных видов преступлений (против личности и хулиганства), совершенных по мотиву ненависти или вражды, необходимы соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Федеральным законом от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ изменена редакция ч. 1 ст. 148 УК, которая предусматривает теперь ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные «в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Считаем, что УК должен охранять от оскорбления также национальные чувства граждан, в связи с чем предлагаем дополнить УК РФ статьей следующего содержания:

«Оскорбление национальных чувств

Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления национальных чувств потерпевшего, – наказываются

Те же действия, совершенные с использованием служебного положения либо средств массовой информации или сети «Интернет», – наказываются ...».

Завершающий третью главу параграф называется *«Назначение наказания за преступления, мотивированные ненавистью или враждой»*. В нем констатируется вывод о том, что по изученным нами делам суды почти всегда усматривали наличие смягчающих обстоятельств, что, в свою очередь, влекло назначение более мягкого наказания. Фактов признания обстоятельств отягчающими наказание по этой группе преступлений мы не обнаружили.

Виновные в особо тяжких преступлениях против жизни, мотивированных ненавистью или враждой или религиозным фанатизмом, не должны претендовать ни на мягкие наказания, ни на освобождение от наказания (от отбывания части наказания). Важно, прежде всего с целью предупреждения совершения новых преступлений другими лицами (ведь для «начинающих» националистов и религиозных фанатиков лица, совершившие подобные преступления, приобретают славу «легендарных» личностей), чтобы виновные раскаялись. Если же нет реального, действительного, искреннего раскаяния, то виновные в лишении жизни других лиц по мотиву ненависти или вражды не должны избегать предусмотренного законом наказания, например освобождаться по акту амнистии.

Практика назначения наказания за преступления, совершенные по мотиву ненависти или вражды, нуждается в серьезной корректировке. Преступления, в первую очередь убийства, любые, а по мотивам ненависти и вражды в особенности, всегда вызывают большой резонанс в обществе, поэтому вид и сроки наказания за их совершение должны быть действительно справедливыми.

Помимо приговоров с сомнительными сроками наказаний практика назначения наказания за преступления, мотивированные ненавистью или враждой, характеризуется вынесением большого количества оправдательных приговоров. Процент таких приговоров в несколько раз превышает количество оправдательных приговоров за все преступления в целом. По изученным нами делам доля оправдательных приговоров составляет не менее 10%. Представляется, что когда имеет место вышеописанная практика применения санкции норм, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные по мотиву ненависти или вражды, то не приходится удивляться ее очевидному результату – рецидиву таких преступлений. По нашим данным, 11% лиц, их совершивших, ранее уже были осуждены за подобные преступления или привлекались к уголовной ответственности за их совершение.

Из более чем 100 дел, касающихся практики применения ст. 63 УК РФ, мы не нашли ни одного случая применения п. «е» ч. 1 этой статьи. То есть суды не считают нужным признавать совершение преступления по мотиву ненависти или вражды отягчающим наказание обстоятельством. Данное обстоятельство, таким образом, дает нам основание вносить предложение об исключении пункта «е» из части 1 ст. 63 УК.

В **заключении** излагаются основные результаты проведенного исследования.

Основные научные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях диссертанта:

I. *Публикации в журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:*

1. *Велиев, Ф. З. Мотив ненависти или вражды в уголовном законодательстве России/ Ф.З. Велиев //Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 10 (35). – С. 1277–1282. – 0,5 п.л.*

2. *Велиев, Ф. З.* «Преступления ненависти» в уголовном законодательстве государств семьи общего права (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия)/ Ф.З. Велиев // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5 (42). – С. 880–884. – 0,6 п.л.

3. *Велиев, Ф. З.* О практике назначения наказания за преступления экстремистской направленности/ Ф.З. Велиев // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 1 (37). – С. 443–445. – 0,4 п.л.

II. Публикации в иных научных изданиях:

1. *Велиев, Ф. З.* Уголовное законодательство государств – членов СНГ о национальной, расовой или религиозной вражде либо ненависти /Ф.З. Велиев// Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. VI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения». Секция уголовного права и криминологии. Сборник докладов. – М. : Проспект, 2014 . – С. 114 – 118. – 0,3 п.л.